

Литературный МОЯК

№ 7
(224)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината **Железный**

СЛОВО РЕДАКТОРУ

*Любезный
читатель,
здравствуй.*

Июнь-июль для меня стали и временем потерь (горьких и невозвратных), и временем открытий, знакомств, радостей и печалей...

Съездил я в сказочное место - деревню Усть-Печеньгу Тотемского района. Давно уже туда собирался. Подталкивало знакомство с художником Евгением Молевым, который одну из главных своих работ «Облака над Русью» писал именно там, на берегу спокойной Сухоны, видя перед собой замечательный Покровский храм... Звало туда и знакомство с интереснейшим человеком, автором многих краеведческих книг Александром Кузнецовым, очерки которого публикуются и в нашей газете, звала и скромная сельская библиотека...

А завтра я поеду в Великий Устюг. Нет, не в гости к Деду Морозу, а на представление в библиотеке новой книги замечательного писателя Николая Алешинцева.

...27 июня ушла из жизни Нина Васильевна Груздева. Я убежден, что чем дальше она будет уходить от нас во времени, тем ближе и необходимее будет нам её творчество. Больше уже не «настигнет» меня телефонный звонок и её голос - иногда радостный, иногда требовательный или строгий... Но навсегда уже настало меня (как и многих-многих) её поэтическое слово...

*О, жизнь моя, -
часы песочные,
Во всех веках необходимые,
Такие хрупкие, неточные,
Но, как и жизнь,
неумолимые!
Средь мира
бодрствующе-спящего,
Средь суеты
и сора пошлого
Шуршат песчинки
настоящего,
Спешат из будущего -
в прошлое.
... И день зарею
начинается
Такой роскошной
и волнующей...
А жизнь моя
уже кончается...
А сколько там песчинок -
в будущем?*

В этот же день ушла из жизни замечательная женщина Галина Владимировна Кондратюк. Скромнейший и добрейший человек, всю жизнь она работала медсестрой, тысячам людей поставила уколы (в том числе и Нине Груздевой), облегчила боль, помогла... Ничего для себя не просила, никого не обременяла...

Прощайте, наши любимые. Нам жить дальше. Но и задумываться всё чаще и чаще - «а сколько там песчинок в будущем?»..

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

Артем КУЛЯБИН

Холмы судьбы и памяти

**В Соколе состоялся литературный вечер,
приуроченный к 65-летию
со дня рождения поэта Александра Швецова.**

Больше пятнадцати лет прошло, как Александра Сергеевича нет с нами. Однако до сих пор его многогранное творческое дарование не получило должного осмысления как среди специалистов, так и среди читателей. Полузабыт, конечно, не он один. Но это слабое утешение. Есть, к счастью, учителя-энтузиасты, библиотекари, краеведы, которые заботятся о творческом наследии, готовы предоставить материал да и просто поговорить о талантливом земляке. Пять лет назад был издан библиографический указатель, посвященный Швецову. Неоценимая вещь для исследователя: более трёхсот единиц, среди которых отдельные издания, публикации в периодике и коллективных сборниках, переводы, газетные статьи, разноплановая литература о жизни и творчестве Швецова.

Подготовленный и проведённый сокольскими библиотекарями вечер «Мне бы жизнь свою прожить достойно» - ещё одно подтверждение того, что поэтическое слово хоть кому-то нужно.

Жаль, что совсем немного сокольчан пришло на эту встречу. Вероятно, это показатель отношения общества к литературе вообще. И если не «организовывать аудиторию» (есть такое понятие!) в наши дни на подобные встречи может вообще никто не прийти. Говорят, лето - время отпусков и огородов. Может быть, тогда

всем на пляж отправляться или гляди полоть?..

Хорошо, что вспомнили поэта, прочитали стихи, поделились размышлениями о его творчестве. Библиотекари подготовили выставку литературы, на которой были представлены книги поэта, его публикации в прессе, материалы о нём. Особый интерес у зрителей вызвали издания с автографами автора - незатейливыми и в то же время трогательными.

О чем писал Швецов? При всём многообразии его творческих интересов «стержневой» оставалась тема России. Отсюда - историзм творческого мышления, стремление найти в прошлом объяснение современным событиям. Особенно это проявилось в лиро-эпике Швецова. Не случайно Александр Романов, рассуждая о поэмах из рукописи книги «Золотое крыльцо», составленной уже в 1983 году, отмечал: «Александр Швецов <...> вернее других вологодских поэтов чувствует, как трагизм в жизни вызывает к историзму в поэзии <...> Русская история в ней совершенно живая - она движется не от нас, а к нам и в нас...»

И гениальное безымянное творение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» оказалось в рамках творческих интересов Александра Швецова. Он с неиссякаемой исследовательской энергией

работал над проблемой авторства «Слова...» Удивительное дело: человек, не имеющий филологического образования (Александр закончил естественно-географический факультет ВГПИ), с головой погружается в проблему, над которой не один десяток лет ломают головы академики и профессора словесности. Откуда такое желание разгадать загадку этой такой далёкой и такой близкой книги? Сложно сказать. Возможно, уже тогда Александр чуткой поэтической душой уловил надвигающиеся грозные перемены в жизни родной страны: распад СССР, кровавые междоусобицы, и на этом фоне призыв к единению, выраженный в «Слове...», приобрёл новое звучание. Поэт и время - тема вечная. Швецов обострённо чувствовал время.

Публицистика - ещё одна грань творческого дарования Швецова. Далеко не все, наверное, знают, как беспокоился поэт об охране окружающей среды, сколько писал в местной прессе о негативном воздействии на природу вредных производств. А как защищал памятники истории! В целом ряде статей про-

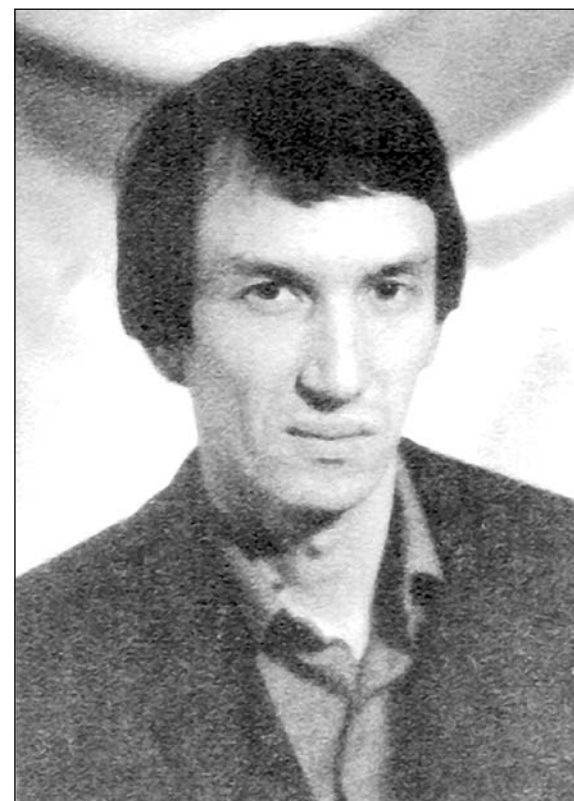
слеживается мысль о необходимости возвращения на родину русской философии, о своеобразии русской культуры, глубоко национальной по существу.

Сейчас уже невольно приходится думать о самом словосочетании «русский писатель», о его «политкорректности». Скажешь «русский» - и запишут тебя в шовинисты, антисемиты или - чего доброго - в скинхеды, и доказывая потом, что ты не верблюд. А ведь русский писатель потому и русский, что обращается к судьбе русского народа, к истории его, к лучшим его представителям. Точнее, не обращается, а живёт в нём - «в своём народе».

«В своём народе» жил и продолжает жить русский поэт Александр Швецов. Для него нет ничего более важного, чем

«...Оставаться

с Русскою общиной
В мировом смешенье языков».

Александр ШВЕЦОВ

Рубеж

*Отечество нам Царское село...
Пушкин*

Старый тополь.

*Вся Россия, Родина моя.
И стоять мне до конца уже
На своем
последнем рубеже...*

*Ничего, возьму пилу свою -
Распилю и тополь, и скамью, -
Все, что так храню*

*И - огня не одолеть врагу!
Лишь бы охранить*

*без мандража
Неприкосновенность
Рубежа...*

Пусть и так: ни дерева,

*ни скамьи -
Голо все! -
ни друга, ни семьи.
Но уж такова она - душа:
Не дано ей жить без Рубежа!*

Голо все...

*И все же, через год -
Ничего! Все снова прорастет!
Ничего! Возьму пилу свою -
И поставлю новую скамью!
Надо будет -*

*снова все сожгу:
Ждать и верить
тыщу лет могу.*

«Журчит родник,
щебечут звонко птицы,
Цветут цветы, течёт-поёт ручей.
Родник легко обидеть,
он ранимый,
Он всем принадлежит,
и он ничей».
Надежда ИГНАТЬЕВА,
«Родники».

Жил Александр Егорыч один в маленькой зимовке. Ни на что не жаловался. И в девяносто восемь он уже не помышлял перебраться в большой дом. Когда жива была его милушка Александра Павлиновна, всё было по-другому...

Каждое утро Егорыч выходил на крыльцо, брал коромысло и шёл на родниковый колодец. «Вода на краю деревни самая чистая», - так ещё отец говаривал. А потом детки, внуки, правнуки, все туда бегали с ведрами. Сейчас приезжают редко, пару раз за лето заглянут: жив ли ещё Егорыч? А он всё жив...

Ежедневно с утра старик растапливал печь. Долго отрезал бересту с каждого полена, кряхтел, крутил прохуdivшуюся заслонку и пускал маленький тёплый огонёк. Ставил старый медный самовар и ждал: вдруг кто заглянет...

- Дедо! Егорыч! - заголосила за дверью Лена Пономарёва. - Ты чего у печи всё утро возишься? Я водички принесла! Нет, поди, ни глоточка на питьё... Зайти-то можно?

Александр Егорыч засуетился: нужно гостью встретить, как при-

нято, хлебом-солью. Хорошая девчушка Леночка: каждый день к старику забежит.

- Входи, замков ведь нет. Что торкаешься?

Ленка ещё на пороге заулыбалась. Поставила ведра, до краёв наполненные водой. И громко, чтобы старик расслышал, прогорланила:

- Как живёшь, Александр Егорыч?

- Да разве дело? Живу... живу, девонька! Какие новости ходят?

- У тебя тарелка на большом доме висит, сходи да послушай новости.

Старик замаха л руками, помотал головой и тихо опустил на стул у заборки:

- Поноврови. Ты мне, что в деревне делается, сказывай...

- Натё! А ежели расстроишься, я виновата буду. - И тихонько сказала: - У Аксины Мироновой лиса ночью семь курей украла...

Егорыч потрепал затылок и задумался: жалко Аксиныю. С её дедом на войну вместе уходили. Спиридон только раз рукопашный и увидел... Хорошо ещё, сын

Лёнкя остался. Заприметил он Наташку Овсянникову, так Аксиныя и появилась. Только Наташка после родов заболела, да и померла непонятно отчего. А Ксюша маленькая была, худенькая. А как глазками карими засверкает, сразу видно: вот он Спиридон, точно тут... А в девках расцвела Аксиныя и пошла за Павла Миронова. Детей у них целая орава народилась - двенадцать малёнышей. Только вот беда: упало бревно на лесопилке... Старик смахнул слезу и замер, пытаясь настроить мысли. И ушёл Пашка, оставив Аксиныю опять сироткой...

А после того, как колхоз развалился, выживали все своим хозяйством.

- Слушай, Леночка, сегодня лавка во сколько приедет? - спросил старик.

- Дак среда сегодня: в четыре будет. А тебе чего, дедо, купить чего? Я ведь мигом.

Егорыч встал, завозил рукой по подоконнику, достал коробку с пенсионными деньгами и твёрдо сказал:

- Надо, Ленуся, курей заказать,

чтоб привезли из города для Аксины. Не откажи старому человеку. Сбегай, дорогуша.

- Ты что, дед? - Ленка замаха л руками. - Аксиныя не примет! Она же кричит как огладая, что и живём мы, пока Егорыч живёт.

Дед улыбунулся: хорошая у тебя, Спиридон, смена. Хоть тут, друг мой, повезло. Ох, Спиридоша, повезло!

- Дедо, ладно, решим с курями! Я тебе вот, что скажу, - завела другую тему девчонка, - Дашка, сестра моя, жениха по интернету выписала!

- Дивный человек? - задумчиво спросил Егорыч. Он сразу вспомнил свою Шурочку: красавица, ладненькая! Дед даже улыбунулся. И мастеровитая! На свадьбу подарила рубаху с поясом, матушке - платье самошитое, братьям и сёстрам - кисеты с бахромой и полотенца. Гостей одарила скатертями. И потом всегда подарочки готовила. Ох, Шурочка, то скливо старику без тебя на земле.

- Дедо, - прощбетала Лена, - ты чего не слушаешь?

- Дивный человек? - повторил Егорыч.

- Откуда знаю, вроде, миловидный! У нас здесь никаких нет!

Старик покачал головой:

- Работать где будет? Парень-то мастеровитый?..

Лена уже хотела бежать, вскочила на порог, но наткнулась взглядом на фотографию Егорыча. В военной форме он был за-

метным парнем.

- Александр Егорыч, а ты правда на войне был? - важно спросила девчонка. - Страшно?

Дед посмотрел на старый снимок и прошептал:

- Был, Леночка... Ой, как я за вас боялся...

Лена решила, что старик заговаривается, и обидчиво произнесла:

- Нас тогда ещё и на свете не было! А ты боялся...

- Вот и боялся, дорогуша, что не будет вас... Тебя, Даши, Аксины с малышами... Ох как боялся!

Лена сорвалась с порога, качнула ведра, и вся вода разлилась по деревянным половицам. Дед ловко схватил тряпку и принялся затирать:

- Это ничего, Леночка! До завтра дотяну. Есть у меня ещё пара глотков.

- Завтра Аксиныя придёт, виновато пробубнила Лена. - Чистый четверг, пол помыть нужно!

Старик тоскливо посмотрел в глаза девчушке и прошептал:

- Чисто у меня, дорогуша! Теперь совсем чисто...

Ленка ловко высочила во двор, брэнча пустыми ведрами на всю деревню.

Утром Аксиныя нашла старика, лежащим на лавке под иконой. Руки были сложены на груди. А на столе стоял пустой прозрачный стакан.

Не стало воды и в колодце на краю села...

Светлана ЧЕРНЫШЕВА

Дед
рассказ

Александр ШВЕЦОВ

**«Лишь бы вновь среди наших тревог
зазвучало Предвечное Слово...»**

И раб, прикованный
к галере,
своим цепям бывает рад...
Когда в безверии и вере
Лишь вольной волей
грезись, раб!

Когда душой
по-детски нежной
восточный ветер
дунет лишь -
с какой немислимой
надеждой
на берег Родины глядишь!

И ради только этой цели,
живя в отеческом краю,
за окровавленные цепи
отдал бы волюшку свою.

Сижу безвылазно
в квартире.
Такой вот рок,
такой чертог...
И что там делается в мире -
мне вот уж год как невдомёк.

И ни зимы мне, и ни лета.
И даже кажется порой,
что даже - что года! -
столетья (!)
уже не властны надо мной.

Не надо, божатка, не якай
и зло на меня не гляди
за ярко наколотый якорь
на, в общем-то,
штатской груди...

Не надо, божатка, пустое...
Ты в душу мою посмотри.
Уж если и есть что святое,
оно не снаружи - внутри...

Как странники в старой
России, пытая себя за грехи,
Тяжёлые цепи носили,
Ношу по дорогам стихи...

КОМАНДИРОВКА

Теперь уж куда торопиться?
Да, впрочем, и не тороплюсь.
Сижу словно дикая птица
в гостиничном номере

А что ещё надо в раззоре,
в житейскую эту грозу?
Да это лишь:
дверь на запоре
да строгие тетки внизу...

И прошлую жизнь не окликну,
И стану, возможно, иным:
И к свету паркета привыкну,
и к люстре, парящей над ним...

Но, словно смущаясь обновой,
рукой отмахну всё равно
дымок сигаретки дешёвой
в раскрытое настезь окно.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

На кого опереться? на что?
Лишь на память,
она лишь - опора,
подзабытая мной, да и то -
сколько

в памяти собственной
вздора!

И хотя задыхаюсь уже,
это всё ещё - всё! -

поправимо,
лишь бы вновь оказаться душе
под незримым крылом
херувима.

Лишь бы вновь
среди наших тревог
зазвучало Предвечное Слово...
Был бы рядышком Чухин -
помог,
и Рачков бы помог, безусловно.

Освятили бы песнею быт,
что существенней всё
и дороже.
Но Сергей Валентинович спит.
Александр Николаевич - тоже.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЧУХИНА

Мне сегодня не спать,
Перечитывать книги твои,
И опять, и опять
Перечитывать давние письма...

Не мешай мне,
пожалуйста, матушка,
Дверь затвори,
Много лет
На свидание с ним
Торопился.
Полежи на диване,
Не стой надо мной.
Посижу, помолчу,
Погляжу на последнее фото.
... Только ветер гудел,
Да ещё за спиной
На диване скрипучем
Ворочался кто-то.

**ХОЛМЫ
Взбегу на холм...
Н. М. Рубцов**

Перемелется всё...
Хоть уже и не верится.
С каждым годиком
всё тяжелей

Эта самая
Двигает крыльями
Мельница...
Хоть бы ветер какой
посочувствовал ей!
Но куда там!
Ни облачка.
Ноченьки светлые.
Незамеченным
Ангелу в дом не войти.

И такое -
И в полдень, и в полночь -
Безветрие,
Что хоть сам ей
Тяжёлые крылья
Верти!..

И бессилие вновь,
И всё то же безверие.
Вьётся пыль над холмом,
Да на холм не взойти.

ЗЕМЛЕ САНИКОВА

От бескормицы северных выюг
Улетают пичуги на юг,
Год за годом
свой путь повторяя,
Повторяю, - до южного края,
До килиманджарских пичуг.

А навстречу им - новый поток:
Ни на запад и ни на восток,
Повторяю, - потоком,
не порознь, -
Хоть полнеба глазами окинь! -
Целит клювом

на Северный полюс, -
Словно компасной
стрелкою - клин.

Бог вам помочь,
пернатый народ!
И какая вас память ведёт?!
Сколько лет пролетело?

Миллионы!
Сколько раз
обновилась Земля!..
Но как будто бы помню и я
Край неведомый,
вечнозеленый...
И иду вот, иду - утомлённый -
Сколько лет уж! -
в родные края.

Книжная полка «Маяка»

«НИКИТИНО СЧАСТЬЕ», рассказы, повести, Николай Алешинцев. - Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2016.

Книга о счастье

(о книге Николая Алешинцева «Никитино счастье»)

«... Нет, не по болтливости посвятив я скучные эти строчки судьбе одной из миллионов сельских жителей. Мне выпала честь нести вместе с ними один, иногда непомерно тяжёлый, крест...» Слова эти из очерка о доярке Татьяне Алексеевне, которым открывается новая книга Николая Алешинцева «Никитино счастье», могли бы показаться излишне красивыми... Если бы не знал я, что, действительно, всю свою жизнь Николай Алешинцев работал в сельском хозяйстве, рядом вот с такими людьми, как героиня очерка...

Он знает, о чём пишет, для чего пишет, поэтому нет лишних, «красивых», слов в его рассказах, очерках и повестях. Он, действительно, пишет «не по болтливости», а потому, что молчать не может. Потому что, кто, если не он, расскажет об этих мужиках и бабах, о родном крае - его истории и природе, о жизни и смерти...

Николай Алешинцев пишет давно, и книги (поэтические и прозаические) у него уже выходили. Конечно же, не в центральных издательствах, потому что живёт он даже не в райцентре на самом востоке Вологодской области - Великом Устюге, а ещё дальше, в деревне Чернево... В такой «удалённости» есть опасность для творческого человека - оторванность от живого общения с коллегами, с редакторами (потому-то, наверное, и в Союз писателей довольно поздно приняли Алешинцева, и творчество его так трудно перешагивало за границы местной известности). Но есть в этой ситуации и большое преимущество - оно в той же, как ни странно, оторванности от коллег, редакций и т. д. - меньше пустых «литературных» разговоров, околелитературной суевы. А главное - жизнь на своей земле, доскональное знание этой земли и её людей - то, что не вычитаешь ни в каких книгах... Эта укоренённость в родной почве и даёт силу Николаю Алешинцеву жить и работать, осуществлять данный свыше талант.

Для меня как состоявшийся писатель Николай Алешинцев начался именно с этой книги - «Никитино счастье». Предыдущие сборники и отдельные публикации не давали (лично мне) полного представления о его творческих возмож-

ностях и о том, что он уже сделал в литературе...

У сборника есть литературный и технический редакторы и корректоры, что уже редкость по нынешним временам, и что, безусловно, сказалось на качестве книги.

Книга хорошо сверстана, оформлена, в твёрдом переплёте... Хорошо продумано, выстроено расположение произведений внутри сборника... Всё сделано профессионально, по-хорошему. Только порадоваться остаётся за автора и читателей, до которых всё-таки дойдёт эта книжка.

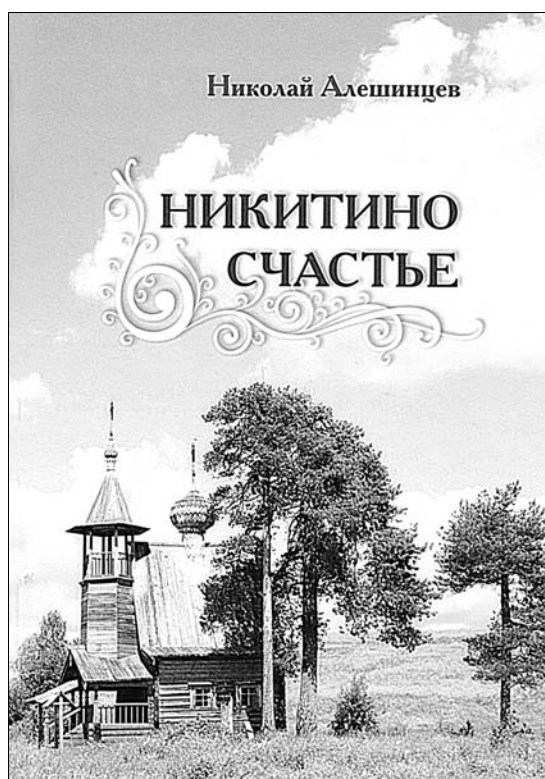
В книге три больших раздела.

Первый - «Легенды Великоустюжской земли», включающий три повести на историческом материале. «Легенда о гибели городка Орлеца» рассказывает о набегах татарского отряда на Устюжские земли и героической обороне сторожевого городка Орлеца... Легенда рассказана замечательным языком (устаревшие и диалектные слова - в меру и к месту), автор показывает знание исторических деталей, создаёт живые выразительные образы защитников крепости. Вот один пример: «Первосоветник Истома Волк был единственным мужчиной из всех окрестных деревень, разменявшим пятидесятью весну. Седой как лунь, израненный в вечных битвах с новгородцами, татарами, вятчичами, он, как сорвавшаяся со скалы и висящая на одном корне живая сосна, так же накрепко вцепился в родную землю...» Вот как пишет Николай Алешинцев!

Завершается повесть словами: «Мы стоим на священной земле, политой кровью наших предков, мы нашли их фамилии. И в наших жилах течёт кровь героев и мучеников Русской земли. Мы разные, но пусть в одном мы будем похожи. В великой и жертвенной любви к Родине!»

Вообще, автор довольно часто вкрапляет в художественные тексты публицистику. Но получается это органично, потому что это необходимо автору - напрямую высказать своё отношение к тому или иному явлению, и читатель, уже верящий ему, принимает и публицистику...

Повесть «Камень-сердце» - ещё одна местная легенда в обработке Николая Алешинцева. О добром богатыре Воле, о любящей его девушке, о власти, которой воля мужицкая и её защитники всегда поперёк горла, о большом богатырском сердце. «А недалеко от моей родной деревни лежит камень-сердце. Молчит. В юности мы любили приходить к нему. Карабкались по его богатырским бокам, чтобы видеть целиком и удивляться его громадности. Труд-

но представить, что когда-то камень был человеческим сердцем».

«Никитино счастье» - ещё одна легенда, повесть, давшая название и всей книге. А легенда ли это? - возникает вопрос, когда читаешь, что герой повести Никита родился в деревне Печерзе, в 1881 году... Может, это правда всё. И действительно, удалось тому Никите в 1911 году поймать «царицу-рыбу» огромную стерлядь... Улыбнулась удача бедному рыбаку - поймал, да ещё и сумел доставить её живой на продажу в Великий Устюг... Вот плывёт он в лодке своей, к ней другая привязана полузаплавленная, чтобы не уснула раньше времени чудо-рыба. Гребёт и мечтает о том, как выгодно продаст он свой товар, как накупит подарков жене и дочерям, а главное - купит корову-холмогорку... И сердце у читателя сжимается, потому что понимает он, что не может быть такого счастья бедному рыбаку, обязательно обманут его городские покупатели... Ан, нет! Всё получилось у Никиты - купили у него рыбу, купил и он всё, о чём мечтал. Спасибо автору!

И опять не могу удержаться, процитирую концовку повести: «Грозная туча насадала на солнце с запада. Низовой влажный ветер поднял рябь на сухонской воде. Сам воздух всё более наполнялся тревогой. Шёл 1911 год. Я пишу этот рассказ в 2011-м. Прошёл век! В его громадности небесные грозы не были так страшны, как грозы четырнадцатого, семнадцатого, сорок первого года. Но, видимо, столь велика тяга

человеческой души к какой-то другой, более радостной, жизни, что до наших времён сохранилась легенда о везучем рыбаке, которого щедрая мать-природа наградила неожиданным счастьем в виде огромной сухонской стерляди. А может, и не в стерляди было дело?»

Второй раздел - «Прозрение», пять рассказов о разных судьбах, о том, что в человеке всегда должно побеждать «человеческое».

Третий раздел - «Мой месяцеслов», своеобразный литературный календарь. «Жанр» в литературе не новый - вот у меня перед глазами «Месяцеслов» прекрасного писателя Ивана Полуянова, а тут же рядом и «Лад» великого Белова, а вон и сборник Михаила Пришвина... И, честное слово, «Месяцеслов» Николая Алешинцева ничем не уступает им! Потому что - не повторяет их. Это, действительно, «мой» (т. е., его, Алешинцева) месяцеслов.

Каждый месяц со своим характером. В каждом месяце что-то происходит в природе, в жизни общества... Тут, в этой прозе, очень чувствуется и поэтический талант Николая Алешинцева - это проза поэта. И, о чём я ещё не сказал, но что очень характерно для этого автора - мягкий, живой юмор, то лёгкая ухмылка, а то и залихватский смех, острое, к месту, словцо...

Вот, например, из главы «Март»: «Посветлеет лес. На малиновых веточках приречного краснотала качнутся навстречу солнцу бархатистые зайчики вербашек. И останутся от зимы разве что морозные утренники. Но и их приспособит к делу северный мужик. Выйдет из избы, потянется и, не теряя зря времени, примется колоть дрова. В мороз они звонко лопают от умелого удара сильных рук. Пять минут работы - и уж летят прочь шапка, телогрейка и рукавицы. Пар от работника валит. Посмотри на это явление утренний холод, словно виноватая собака подожмёт хвост и скроется в северном направлении».

... Впрочем, можно цитировать и цитировать... С удовольствием! Но надо и остановиться. И вот здесь-то бы и сказать, что, мол, дорогой читатель, купи эту замечательную книгу или возьми в библиотеке и прочитай всё сам... Но где же «дорогой читатель» возьмёт эту книгу? Даже в Вологде в очень немногих местах. А в Москве? В других городах?.. Полки наших магазинов, столичных и провинциальных, забиты одной и той же макулатурой, в центральных газетах глубокомысленно разбираются пустые «тексты»... Но будем верить (а что ещё и остаётся!), что правда, истинная литература (такая, как сборник «Никитино счастье») дойдёт до читателя. Обязательно дойдёт, я в этом уверен!..

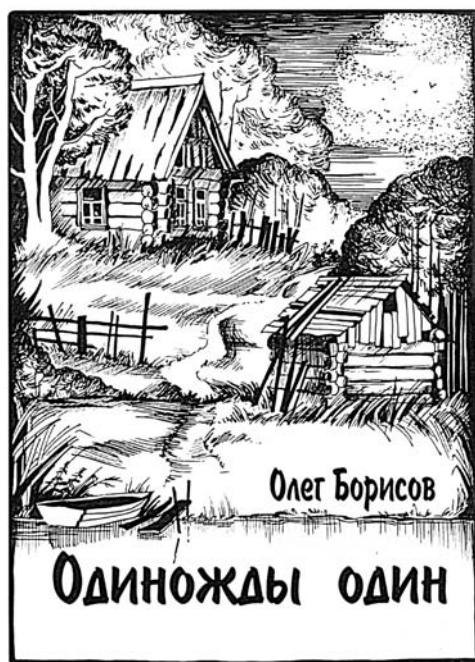
Дмитрий ЕРМАКОВ.

«ОДИНОЖДЫ ОДИН»: повесть. О творчестве, о жизни, о судьбе: из блокетов разных лет, Олег Борисов, Вологда, Сад-огород, 2016.

Книга писателя, живущего в деревне Прокопцевская Архангельской области Олега Борисова, выпущена в Вологде, но, к сожалению, так же мало доступна широкому кругу читателей... И всё же будем надеяться, что появится она хотя бы в библиотеках, если уж не в магазинах.

Несколько строк из аннотации: «В новой книге Олег Борисов остаётся верен постоянной тематике своего литературного творчества, жизни и судьбе русской северной глубинки... «Одиножды один» - повесть предостережение и предупреждение, что может ожидать сельскую Россию уже в обозримом будущем, если отношение государства к ней не изменится...»

А для знакомства с автором некоторые из его дневниковых записей...

Олег БОРИСОВ

«Жизнь моя, побудь со мной подольше...»

Наше творчество должно быть, как хлеб на опаре, замешано на судьбах родной земли и людей, на ней живущих. Вот тогда оно и будет настоящим.

Едва ли я смогу сделать этот мир лучше. Но очень не хочу, чтобы он стал хуже.

Обстоятельства могут согнуть человека, но если человек верен своим принципам, он обязательно выпрямится.

Нередко мне говорят после прочтения какой-то моей книги на сельскую тематику: «Как хорошо и подробно ты знаешь деревенскую жизнь!» К большому сожалению, это не совсем так.

Я уехал из деревни в шестнадцатилет-

нем возрасте и вернулся обратно только после тридцати. Но в уже совсем иную деревню по своему жизненному, общественному и бытовому укладу, нежели та, в которой прошло моё детство.

А детство моё прошло в деревнях Плашное и Дубровская. Заполярный Норильск, где прожил и проработал на стройке десять лет, стал тем памятным и важным местом, где я проверил себя на прочность в суровых условиях Крайнего Севера, получил жизненную закалку, написал и опубликовал первые стихотворные строки.

В деревне Прокопцевской я не только живу. Именно здесь на сегодня написаны все мои книги... Мне здесь удобно жить и работать.

В русской северной деревне, на берегу таёжной реки Устья, мне всегда легко дышится, умно думается и хорошо пишется.

Жизнь моя, побудь со мной подольше, сколько сможешь.

**Продолжаем публикацию воспоминаний
А. И. Мартяновой о семье Беловых
и великом русском писателе В. И. Белове.**

Незабвенная улица Крестьянская в Вологде, где я жила в общежитии педагогического училища.

Булыжная мостовая с деревянными мостками тянулась до самого Веденеевского кладбища.

Часто мы слышали скорбное скрыканье железных колёс катафалка о гладкие равнодушные камни, напоминавшие нам, юным, о бренности бытия. Рядом притягательно-красивый окрестной панорамой пятачок на правом крутом берегу реки Вологды, которая здесь мирно, лениво течёт в судходную Сухону. Это Ленивая горка. В честь 800-летия города Вологды установлен тут скульптурный монумент. Сюда, занять скамью в шесть утра по росе, мы с Ниной Трапезниковой (что родом из Волонги), бежали, чтобы штудировать вслух билеты к экзаменам.

Красивая черноглазая головка подруги обладала счастливым математическим уклоном. Нередко мне приходилось просить её о помощи.

Самой тоже довелось выручить орденосного фронтовика на госэкзамене по русскому языку. Я поступала на заочное, он кончал институт. Преподаватель после моего ответа по билету склонился и шепнул на ухо: «Помогите. Ему трудно. Он герой войны». С немолодым фронтовиком мы оказались за одним столом перед россыпью чистых листов. Я полностью написала как можно доходчивее и разборчивее ответы на все вопросы билета, отодвинула исписанные листы и вышла...

После окончания училища меня устроили на работу тут же в качестве лаборанта, фактически оформителем. Рабочее место - пионерская комната, заставленная горнами, барабанами, флажками, знамёнами.

Эта комната с соседней библиотекой занимали бывшую квартиру К. Н. Батюшкова (сейчас музей). Каждый день я смотрела в окно, из которого когда-то смотрел сам больной поэт на Кремль. Об этом я всегда помнила. Так же при мне художник (кажется Контарева) ваяла из зелёного пластилина барельеф с черно-белого портрета К. Н. Батюшкова...

Работы было много: праздничные лозунги, пионерские транспаранты, наглядные пособия к открытым урокам.

Жить продолжала в том же общежитии на ул. Крестьянской. Можно сказать мне подфартило. Все однокурсники были распределены в деревни, лесные посёлки области. Помнится, все горожанки умудрились остаться в городе. Кто пионервожатым, кто в библиотеку, кто на почту. Оно и понятно: колхозная деревня напоминала деревню некрасовских времён при крепостном праве. Беспаспортный колхозник-бесправный...

Однажды в воскресное майское утро, когда девушки, кроме одной, разъехались по домам за продуктами, я вернулась из магазина с неизменной авоськой, в которой лежали обычные пекле-

ванный хлеб, пачка маргарина и душистые «подушечки» для чая.

- Приходил солдат. Такой красивый! - пристально вглядываясь в меня, сообщила подруга.

- К кому? - поинтересовалась я.

- К тебе, вроде. Говорит, твой брат. Вон его вещмешок. Тебя встречать пошёл. Сейчас вернётся.

И в дверь постучали.

мнений больше нет. О счастье! Мама не ошиблась: будет из него инженер, изобретатель или большой учёный. Все мы так и соображали, ибо он был мастер удивлять нас, младших, новыми самоделками, затеями. Сам смастерил детекторный приёмник, без нот научился играть на гармошке, да не какую-нибудь плясовую или «под драку», а подбирал мелодии песен, спрятавшись от всех куда-нибудь в тайное уединение. Музыка жила в нём, будоражила. Бежал слушать, когда на празднике поют хором. Шум деревьев, плеск

воды, щебетанье птиц - он замечал всё, настораживал и нас замереть, послушать.

Он завидовал, что я знаю ноты. Да, ноты я знала. Более того, четыре года факультативно «пиликала» на скрипке.

Но если не дано свыше, то даже при титанических усилиях труды останутся только мучительными бесплодными потугами. Сколько раз за урок я слышала «фальшиво!»

Панически, наугад передвигала палец на миллиметр выше, ниже...

И всё равно по жизни, если в доме хорошая погода, распеваю, а если - не очень, тоже всегда напеваю. Чаще на кухне, чтобы никому не мешать...

Василий пытался поступить в музыкальное училище. Уверена: первое собеседование прошёл с честью, но ему намекнули, что инструменты дорогие, что ему не завести их, поэтому перспективы нет...

Мы полны были желаний учиться, учиться дальше. В нашей семилетке не было преподавателей пения, рисования, иностранного языка...

Василию предстояло после армии окончить десять классов. Потом поступать в литературный институт.

О, как нелегко было Беловым одолеть эти многочисленные препоны...

Первым делом Василий предложил позавтракать. В центре города у Каменного моста находится «Пирожковая». Народу в ней всегда полно-полно, и сейчас столики все заняты. Очередь у кассы. Многие с пирожком и кофе приткнулись кто куда. Взгляд упал на предупреждение «Не курить!», «Спиртные напитки распивать запрещается».

Решили уходить, но тут в центре освободились два места. Двое крепких загорелых колхозников (наверняка толь-

ко что с полевых посевных работ), неспешно управляясь с ароматными котлетами, крадучись, воровато оглядываясь, подливали фиолетовый портвейн из «самовара», что стоял под столом, в гранёные стаканы из-под чая. Любезно предлагают Василию присоединиться. Он отказался.

- Видишь, - говорит один другому, - солдат с девушкой.

- Это сестра, - просто ответил Василий. Мне показалось, слишком поспешно.

- Говори, говори, рассказывай нам сказочки, - веселее от какой-то девчонки.

Да посмотрите. Мы ведь похожи. Носы у нас одинаковые...

И глаза голубые, - подтвердил второй.

- А вот и не голубые! А синие! - уточнил довольный собой первый говорун.

Всем стало по-домашнему уютно. Василий пояснил, что едет в деревню к матери, заехал по пути навестить сестрёнку. Погоня предварительно снял, чтобы не привлекать лишней раз патрулей.

Вкусно позавтракав в доброй компании, мы откланялись, оставив земляков при «самоваре»...

Вкусно позавтракав в доброй компании, мы откланялись, оставив земляков при «самоваре»...

Следующее мероприятие культурное. Купили в кинотеатре им. Горького билеты на очередную сцену. Времени предостаточно. Решили сфотографироваться.

По узкой металлической лесенке поднялись к бывшему фронтовику (как потом узнали Баму). Я подошла к зеркалу и обомлела. Зимние рыжеватые веснушки, коих у меня было множество на лице, пока мы шли пешком «поджарились» на ярком майском солнце и превратили лицо точь в точь в деревенскую сдобную «посыпушку».

Я сняла плюшевую шапочку, сказала, что решительно передумала фотографироваться, т.к. растрепалась, причёски нет. Снова завязала шапочку на шею и продолжала отнекиваться. Мужчины, вполне возможно, догадывались о причине моего упрямства, но вида не показали. А у меня так и звучало в ушах давнее обидное «Рыжая!».

«Уломав» меня, мастер усадил нас, велел не двигаться и ушёл за занавеску. Нам показалось, подшучивает, так долго не появляется. Замерли. Я не выдержала и фыркнула, а Вася буркнул «Дурацкое положение!»

...Наступил черёд идти в кино. (Название фильма не помню). Кинотеатр им. Горького был на втором этаже изуродованного перекоройками старинного храма. Для ожидающих сеанс, приготовлены столики с шахматами, шашками. Народу пока нет. Мы расставили фигуры. Углубились в игру. Не заметили, как у нашего столика собрались заинтересованные - несколько мужчин. Тихонько обсуждали

картину «Девятый вал» во всю стену. Наверняка не самого И. Айвазовского, но какого-то неизвестного художника по мотивам гениального мариниста. Сколько бы раз я ни посещала фойе, подолгу стояла перед этим полотном, разглядывая, вникая в цвет, предметы, кипящие валы, в терпящий бедствие корабль...

Таким долгим и примечательным был этот майский день. Василий уехал в Тимонию на вечернем поезде.

Я много поняла в его характере. Ум острый, талант большой, целеустремлённый и, конечно, ранимый, самолюбивый юноша - наш Василий Белов.

Нас, пятерых Беловых, выживших благодаря маминному подвигу в годы войны, за что ей вручили «Медаль материнства», умудрившихся как-то пережить страшные голодные послевоенные времена, ждали грандиозные свершения. Не мог пропасть великий многомиллионный жертвенный подвиг отцов, среди которых наш И. Ф. Белов, отдавший жизнь за нас в 1943 году.

Впереди ждало ошеломляющее развенчание Никитой Хрущёвым культа личности Иосифа Сталина. В феврале состоялся закрытый 20 съезд партии. Следовало тайное удаление тела Сталина из мавзолея. Реабилитация невинно осуждённых. Чудесное покорение космоса Юрием Гагариным. Начало освоения целины. Многие другие деяния противоречивой хрущёвской «оттепели», давшей слово и самому Василию Белову как писателю, но не позволившей развернуться могучему таланту из-за сковывавшей волю чрезмерной цензуры.

Василий Белов терял годы, на преодоление цензуры, но не передавал тайно рукописи за кордон. Он не сбежал за границу, как иные «слабохарактерные мальчики», которые, вопя о трудностях, оправдывая себя, легко взялись за изощрённую клевету на свою родину-мать...

Василий пытался поступить в музыкальное училище. Уверена: первое собеседование прошёл с честью, но ему намекнули, что инструменты дорогие, что ему не завести их, поэтому перспективы нет...

Мы полны были желаний учиться, учиться дальше. В нашей семилетке не было преподавателей пения, рисования, иностранного языка...

Василию предстояло после армии окончить десять классов. Потом поступать в литературный институт.

О, как нелегко было Беловым одолеть эти многочисленные препоны...

Первым делом Василий предложил позавтракать. В центре города у Каменного моста находится «Пирожковая». Народу в ней всегда полно-полно, и сейчас столики все заняты. Очередь у кассы. Многие с пирожком и кофе приткнулись кто куда. Взгляд упал на предупреждение «Не курить!», «Спиртные напитки распивать запрещается».

Решили уходить, но тут в центре освободились два места. Двое крепких загорелых колхозников (наверняка толь-

ко что с полевых посевных работ), неспешно управляясь с ароматными котлетами, крадучись, воровато оглядываясь, подливали фиолетовый портвейн из «самовара», что стоял под столом, в гранёные стаканы из-под чая. Любезно предлагают Василию присоединиться. Он отказался.

- Видишь, - говорит один другому, - солдат с девушкой.

- Это сестра, - просто ответил Василий. Мне показалось, слишком поспешно.

- Говори, говори, рассказывай нам сказочки, - веселее от какой-то девчонки.

Да посмотрите. Мы ведь похожи. Носы у нас одинаковые...

И глаза голубые, - подтвердил второй.

- А вот и не голубые! А синие! - уточнил довольный собой первый говорун.

Всем стало по-домашнему уютно. Василий пояснил, что едет в деревню к матери, заехал по пути навестить сестрёнку. Погоня предварительно снял, чтобы не привлекать лишней раз патрулей.

Вкусно позавтракав в доброй компании, мы откланялись, оставив земляков при «самоваре»...

Фото №4

- Василий! - бросилась я со слезами его обнять.

Служил он под Ленинградом в Красном Селе. Едет к маме в Тимонию на побывку. По пути - ко мне. Вручил мне подарок - прелестные ручные часики. Первые в жизни! Так необходимые будущей учительнице. Радуюсь, как ребёнок. Василий отцепил с гимнастёрки погоню, чтобы на улице не иметь лишних объяснений с армейским патрулем, и мы пешком отправились гулять до центра. «Всё стало вокруг голубым и зелёным. В ручьях забурлила, запела вода...» И мы совершенно счастливые друг друга рассказываем друг другу о своём житье-бытье. О последних письмах, о маме, о божатке, о братьях, о сестре Лиде. Вспоминаем отца. Василий, как клятву, просто и твердо говорит, что при первой возможности поедет на места боёв, где погиб в 1943 году отец, найдёт его могилу под Смоленском.

Выясняется, что Василий уже поэт. А как же иначе! Ведь если с гонораров за публикацию стихов в армейских журналах скопил денег, купил мне часы, то уж со-

**На фото: В. Белов во время срочной службы.
На фотографии подпись «Моей сестре Шуре»...**